

ных основ, которые, по его сведениям, не имеют иноязычных параллелей, и сгруппировал их по признакам количества слогов, употребительности, по значению (стр. 144, 145). Представляется, что к перечисленным целесообразно было бы добавить еще один признак — формальный. По нашим наблюдениям, к рядом слов из числа рассматриваемых вполне может быть применен компонентный анализ и как его разновидность — формантный анализ — уже на том основании, что слова, оканчивающиеся на определенные комплексы звуков, здесь далеко не единичны. Кстати, именно посредством выделения повторяющихся конечных комплексов пытался объяснить происхождение многих слов О. Н. Бётлингк. Вполне вероятно, что при подобном подходе удалось бы вычлени из некоторых «основ неизвестного происхождения» якутские или иноязычные словообразовательные аффиксы (на первый взгляд, таковыми кажутся *-ды/-ду*, *-лык/-нык/-нык*; *-бай/-хай*, *-гэй/-кэй*, *-бой/-хой*, *-гыр/-гир*, *-гыл/-кыл*; *-ис/-ыс* и проч.) и «обнажить» заимствованный корень [ср., например, на стр. 157: *кэн-ис* «обжора» — *кэн-сэ* «имеющий склонность охотню брать от других, но своего не давать» (сюда же *кэн-тэх* «ненасытный, жадный?»). Или на стр. 161: *уоһуһа* «заливчик в реке» и *уоһагай* «промоина, через которую ручушка впадет в реку»].

При осуществляемом автором подходе далеко не все его выводы кажутся убедительными. В частности, вряд ли можно согласиться с тем, что «основы без иноязычных параллелей особенно многочисленны в группах основ отвлеченных понятий (? — Г. Б.) и прилагательных (всего 371), которые не могут относиться к

ядру основного словарного фонда якутского языка» (? — Г. Б.) (стр. 166). Не говоря уже о том, что в этой формулировке многое вызывает вопросы и сомнения, беспокоит также известная субъективность в отнесении многих слов к группе выражающих отвлеченные понятия. Сюда зачислены и такие слова, как, например, *далбар* «большой берестяной кумысный сосуд...», *кирчим* «весеннее голодное время» (стр. 149), *нөөкурук* «тюк, пучок» (стр. 156), нумеративы *удьурба*, *учурба* «пук, связка (табаку)» (стр. 164), *боһомо* «штука (голова) крупного скота», а также *бэристэк* «продажа мяса или масла... фунтами» (стр. 163). При более строгом семантическом членении слов, отнесенных автором к группе абстрактной лексики, эти подсчеты могут его подвести. Изменению количественных соотношений между выделенными группами слов, видимо, будет способствовать более полное использование имеющихся словарей и лексикологических исследований. Так, якут. *умна* «милостыня, подаяние» (стр. 150) Е. И. Убритова связывает с др.-тюрк. *umdu* «желание, надежда»¹⁷, объясняя изменения в звуковом составе слова с позиций якутской фонетики: назализация *-d* — *umdu* > **umli*, переход конечного узкого гласного в широкий — **umli* > *umla*.

Рецензируемый сборник окажется весьма полезным для специалистов-тюркологов и найдет своего читателя в кругах всех тех, кому дорога история отечественного языкознания.

Г. Ф. Благова

¹⁷ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 611.

«Тюркологический сборник. 1972». — М., «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1973. 412 стр.

Рецензируемый сборник примыкает к циклу одноименных продолжающихся изданий, публикация которых началась более двадцатилетия назад¹. Все они увидели свет благодаря настойчивому труду сплоченного коллектива тюркологов, объединившихся вокруг Ленинградского отделения Института востоковедения

¹ См.: «Тюркологический сборник», т. I, М.—Л., 1951 (был посвящен С. Е. Малову к 70-летию со дня рождения и 45-летию научно-педагогической деятельности); «Тюркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1963; «Тюркологический сборник. 1970», М., 1970; «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972 (посвящен памяти В. В. Радлова); см. также: «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963.

АН СССР и Восточного факультета ЛГУ, во главе с неперменным инициатором и ответственным редактором названных сборников чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононовым.

Сборники 1970, 1971 и 1972 гг. содержат преимущественно материалы Всесоюзных тюркологических конференций 1967—1969 гг., проходивших в Ленинграде и снискавших заслуженную популярность среди специалистов.

Как и большинство предыдущих выпусков, связанных с именами выдающихся отечественных тюркологов, рецензируемый сборник посвящается памяти первого русского востоковеда-лингвиста Платона Михайловича Мелиоранского (1868—1906). Столетие со дня рождения ученого было отмечено рядом докладов на III Тюркологической конференции в Ле-

нинграде 2—4 июня 1969 г. Все они публикуются в рассматриваемом сборнике наряду с проблемными и обзорными статьями по таким аспектам современной тюркологии, с которыми наиболее тесно связано научное наследие П. М. Мелиоранского.

Сборнику предпослан компактный и вместе с тем весьма информативный очерк А. Н. Кононова «П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология» (стр. 7—17). Охарактеризовав основные вехи жизни и творчества ученого, «за свой очень короткий научно-исследовательский век — всего тринадцать лет, с 1893 по 1906 гг.», написавшего свыше сорока работ, «многие из которых вошли в золотой фонд тюркологии» (стр. 10), автор останавливается на оценке ставших классическими «Краткой грамматики казак-киргизского языка» (Ч. I—II, 1894 и 1897), «Араба филолога о турецком языке» и «Памятника в честь Кюль-Тегина» (1900), а также «Араба филолога о монгольском языке» (1904). Тюркологические труды П. М. Мелиоранского распределяются по семи разделам: 1) издание памятников арабского, рунического и уйгурского письма; 2) грамматика; 3) фольклор; 4) «Rossica-Turcica»; 5) историко-филологические работы; 6) транскрипция географических наименований; 7) рецензии преимущественно на языковедческие работы, где наиболее полно излагались воззрения ученого на методы и приемы лингвистического анализа.

Сам ученик В. В. Радлова, исследователь оставил после себя целую плеяду талантливейших питомцев факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, среди которых навсегда сохраняются в истории советской тюркологии имена А. Н. Самойловича, С. Е. Малова и др. Ныне эта связь времен достойно осуществляется в работах современных отечественных тюркологов. В полном соответствии с известной характеристикой П. М. Мелиоранского как ученого, которая принадлежит акад. В. В. Бартольд², А. Н. Кононов заключает: «Несмотря на широкий диапазон своих научных интересов, а может быть и благодаря им, П. М. Мелиоранский был и осознавал себя прежде всего тюркологом языковедом» (стр. 11—12).

Последующее содержание сборника организовано в четыре тематические рубри-

ки: «Языкознание», «Литературоведение и фольклористика», «Этнография, история» и «Хроника», из которых подробнее будет рассмотрена, естественно, первая.

Раздел «Языкознание» открывается обстоятельной статьей Э. Р. Тенишева «П. М. Мелиоранский — языковед» (стр. 18—23). Отмечая, что теоретические взгляды ученого формировались под влиянием классика неограмматики Г. Пауля, автор показывает, что собственно тюркологическое кредо П. М. Мелиоранского сводится к четырем методическим принципам: 1) строгому разграничению народно-разговорного и письменно-книжного языка; 2) последовательному историзму; 3) отказу от необоснованных типологических сопоставлений; 4) здоровому скептицизму по отношению к «алтайской теории» (стр. 23). Основным же заветом П. М. Мелиоранского будущим поколениям тюркологов-компаративистов было создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков, что и реализуется на нынешнем этапе развития нашей науки.

А. М. Шербак в статье «П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности» (стр. 24—35) показал, что ученый ставил перед собой ряд связанных друг с другом задач: критическое издание древне- и среднетюркских текстов, исследование их языка, уточнение методов и приемов филологического и историко-лингвистического анализа. Призывая коллег к четкой интерпретации графических особенностей памятников, исследователь считал совершенно недостаточной одну их транслитерацию и неоднократно подчеркивал необходимость фонетических реконструкций при публикации тюркоязычных текстов. При этом П. М. Мелиоранский всегда высоко оценивал заслуги пионеров тюркской текстологии — даже в случаях расхождений с ними в трактовке языковых элементов.

Работа ныне покойного А. И. Попова «П. М. Мелиоранский и изучение тюркизов в русском языке» (стр. 36—50) посвящена детальному разбору трех статей ученого из цикла *Turco-Slavica*, вызвавших в 1902—1905 гг. полемику с Ф. Е. Коршем. Всего П. М. Мелиоранский проанализировал 45 лексических единиц древнерусского языка домонгольского времени, имеющих восточное (преимущественно тюркское) происхождение. Этимологии двадцати из них (например, *клубукъ*, *кумыз(а)*, *курганъ*, *санъ*, *товаръ*, *чертогъ*), по мнению А. И. Попова, сохраняют полноценное научное значение. Статья призывает тюркологов и славистов к внимательному изучению трудов П. М. Мелиоранского, что значительно уменьшит число всякого рода ошибок и неточностей в интерпретации элементов древнерусской лексики в той их части, которая восходит к ориентализмам. Так, термин *сайгатъ*, впервые правильно объясненный Н. Г. Чернышевским и подтверж-

² Ср. также слова Н. К. Дмитриева, блестящего представителя сразу двух тюркологических школ — московской и ленинградской: «Это был наиболее последовательный лингвист среди тюркологов, человек, обладавший тонким филологическим методом» (Н. К. Дмитриев, Труды русских ученых в области тюркологии, в кн.: «Уч. зап. МГУ», 107 — Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, III, кн. 2, 1946, стр. 67).

денный П. М. Мелиоранским в значении «доля добычи, подарок из трофеев старшему лицу», до последнего времени неправильно толкуется составителями терминологических и этимологических словарей русского языка³. Особенно «не повезло» двум лексемам из «Слова о полку Игореве»: *кошь* «баран; храбрец» — несомненный тюркизм, не попавший в поле зрения П. М. Мелиоранского и не учтенный М. Фасмером, а также часто комментируемый как «раб, пленник» *кошцы*⁴ — в действительности же он восходит к тюрк. *кошчи* «обозник; пахарь». Примечательны попытки А. И. Попова по-новому — после П. М. Мелиоранского — прочесть отдельные «темные места» в «Слове о полку Игореве»: *карна* «труба, рожок» (из иран. через посредство куманск.); *попущеть* «омрачиться, сердиться» из *пущ* (< турецк.); *басты* «главный, главарь» герр. «великий» (< казах.); *орьтма* от *артмак* «переметная сума, вьюк» (< полонецк.) и пр.

В статьях Г. Ф. Благовой «П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии» (стр. 51—61) и «Вариантные заимствования *турок* ~ *тюрк* и их лексическое обособление в русском языке» (стр. 93—140) содержится большой фактический и библиографический материал о вкладе ученого в исследование тюркских апеллятивных имен. Убедительно доказано, что основные линии тюркологических штудий Мелиоранского оказались как бы спроецированными на не существовавшие тогда еще лингвистические дисциплины — топонимику и этнонимику.

В первой статье рассказано о плодотворной деятельности ученого в составе Подкомиссии по транскрипции географических наименований при ИРГО (1904—1906), куда он представил свои соображения о системе обозначений для 40-верстной карты Европейской России. Чрезвычайно важными представляются пределы этимологизации и, как следствие ее, фонетизации топонимов, установленные П. М. Мелиоранским. Он, в частности, предпочитал употреблять башкирские и татарские основы без русских окончаний: дер. *Терекли* вместо *Тереклинская*, оз. *Чабар кўл* вместо *Чабаркульское* и под. Заметим, что современная карта тюркского Урало-Поволжья узаконила подачу указанных написаний именно в формах, близких к рекомендациям П. М. Мелиоранского.

Во второй статье Г. Ф. Благова, отталкиваясь от традиционного для отечественного востоковедения неразличения по смыслу терминов *турок* и *тюрк*, которого придерживался и П. М. Мелиоранский, прослеживает почти тысячелетний путь

к становлению обобщающего имени тюркоязычных народов в русском языке. Данное разыскание Г. Ф. Благовой примыкает к обширному циклу ее исследований в области тюркской этнонимии, представляющих значительный лингво-историко-этимологический и культурно-филологический интерес⁵.

Две статьи языковедческой части рецензируемого сборника носят обзорный характер и посвящены лингвистическому изучению памятников тюркской письменности (статья Д. М. Насилова, стр. 62—68) и исследованиям по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв. (статья В. Г. Гузева, стр. 69—92). Автор первой из них, Д. М. Насилов, критически анализирует ряд лингво-исторических работ, в том числе и тех, которые прослеживают отдельные грамматические категории в некий отрезок времени, доказательно раскрывает безотлагательную необходимость и плодотворность системного подхода к изучению грамматических категорий в языке письменных тюркских памятников, исследованию которых П. М. Мелиоранский придавал первостепенное значение. Конкретным образцом такого подхода названа монография С. Н. Иванова «Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-хана» (Ташкент, 1969).

В. Г. Гузев в своем обзоре в числе других важнейших трудов по староанатолийскому языку подробно рассматривает замечательное сочинение П. М. Мелиоранского «Араб филолог о турецком языке». В обзоре разделяется мнение Мелиоранского о том, что анализ фонетических особенностей языка малоазийско-огузских памятников даст надежные результаты, если при этом в должной мере учитываются данные текстов, написанных арабицей, их транскрипции и трудов грамматистов XI—XVII вв. Статья В. Г. Гузева насыщена разнообразной информацией о работах отечественных и зарубежных османистов, в том числе и о труднодоступных источниках.

Хотя остальные части сборника уместнее рецензировать не в лингвистическом журнале, целый ряд литературоведческих и исторических статей включает в себя либо тексты, интересные для языковеда-тюрколога, либо специальный анализ отдельных терминов. Таковы большая статья В. М. Жирмунского «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса „Едигей“» (стр. 141—185); публикация из научного архива А. Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, запи-

³ См., например: М. Ф а с м е р, Этимологический словарь русского языка, III, М., 1971, стр. 545.

См.: там же, II, М., 1967, стр. 362.

⁵ См. серию ее статей в следующих изданиях: «Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка», М., 1969; «Народы Азии и Африки», 1970, 1 сб. «Этнонимы», М., 1970; «Тюркологический сборник. 1971», М., 1972; «Советская тюркология», 1973, 4; ВЯ, 1974, 1.

санный Н. Хакимовым» (стр. 186—211); комментированный перевод отрывка из трактата Алишера Навои «Мизан ал-авзан» в статье И. В. Стеблевой «О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии» (стр. 218—230); описание Л. Ю. Тугушевой поэтических памятников древних уйгуров (стр. 235—253). В связи с отчетом С. Г. Кляшторного об итогах полевых исследований 1968—1969 г. в Монголии (стр. 254—264) следует всецело поддержать инициативу его автора о необходимости критического издания «Корпуса древнетюркских надписей». Здесь же впервые публикуются рунические надписи на зеркале из Верхнего Прииртышья и на монете из Монголии (стр. 306—315 и 334—338). Столь же насыщен материалами, впервые вводимыми в научный оборот, раздел «Этнография, история» (стр. 254—395).

Сборник завершают список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем (составила Н. А. Дулина, стр. 396—402)⁶, а также хроника «Третья тюркологическая конференция» (В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева, стр. 403—412).

⁶ Как любезно сообщил нам Ф. Д. Ашнин, список следовало бы дополнить важным комментарием П. М. Мелиоранского к публикации В. В. Бартольда «Древнетюркские надписи и арабские источники», где речь шла о генезисе тюркского презенса на *-ur*, *-ür*, *-ыр*, *-ip*, *-р* < *-ар*, *-äp*? (см.: В. В. Бартольд, Соч., V, М., 1968, стр. 287—288).

Представляется необходимым снабжать каждый сборник смешанного содержания сводными индексами лексем (а по возможности — и морфем), анализируемых на его страницах. Иногда к этим указаниям, помогающим быстро найти слово, способное заинтересовать читателя, можно было бы присовокупить краткий квалифицированный комментарий, этимологическую справку, выполненные на уровне современной науки и призванные согласовывать между собой сведения об этих словах, сообщаемые разными авторами. К примеру, на стр. 179 рецензируемого сборника исторический антропоним *Идиге* (*Идику*, *Идүгү*) «Едитей» объясняется как связанный с монг. *идуг* «сапог», а на стр. 188 воспроизводится другая форма этого же имени *Идюкю* — предположительно из карахандско-кашгарского *эдгю*, *идгю* «добрый, хороший».

«Тюркологический сборник. 1972» — достойный вклад в изучение научного творчества замечательного русского тюрколога П. М. Мелиоранского. Хотелось бы надеяться на то, что издание подобных мемориальных сборников или коллективных трудов типа *Festschrift*, посвящаемых выдающимся деятелям тюркологии, станет ежегодной традицией. Нет сомнения в том, что дающие основные материалы для «Тюркологических сборников» конференции тюркологов в Ленинграде будут и впредь способствовать прогрессу этой отрасли советской науки.

Т. М. Гарипов

В. Т. Коломиец. Развитие лексики слов'янских языков в послевоенный период. — Київ, «Наукова думка», 1973, 304 стр.

Изменения, происшедшие в лексике и словообразовании славянских языков за послевоенный период, нашли свое отражение преимущественно в работах частного характера. До последнего времени не было обобщающего исследования, посвященного вопросу развития лексики славянских языков в послевоенный период. С появлением книги В. Т. Коломиец «Развитие лексики славянских языков в послевоенный период» восполняется этот значительный пробел. Лексика и словообразование изучаемого периода далеко не для всех из современных славянских языков исследованы с надлежащей полнотой; общая картина языкового развития освещена недостаточно равномерно. Вполне понятны трудности, которые возникали перед исследователем этой сложной и важной проблемы.

Автор монографии ставит перед собой цель проследить развитие лексики и словообразования в восьми славянских язы-

ках за последние 25 лет. Помимо ценности подобных исследований для описательного и типологического сопоставительного изучения славянских языков, не вызывает сомнения также их важность для решения одного из кардинальных вопросов общего языкознания — о характере и причинах языковых изменений. Вместе с тем, поскольку объектом исследования является наиболее подвижный и чувствительный ярус языковой структуры — лексика, в славянских языках тесно связанный со словообразованием, это дает возможность частичного освещения другого важного вопроса — о влиянии изменений в обществе на изменения в лексике и — опосредствованно — в грамматике как одного из проявлений более широкой проблемы взаимосвязи языка и общества. Выбор периода, освещаемого в исследовании, дает возможность максимально достоверно воспринимать факты. Этот выбор интересен